

Цуй Мин-дэ знала: Дугу Шао сейчас счастлива. С детства та грезила войной, бегала с отцом по лагерям, и раньше, чем взяла в руки кисть, уже сжимала меч. В учёбе её ничто не интересовало, кроме военных трактатов и стратегий — слушала, затаив дыхание. Цуй Мин-дэ не помнила, как они сблизились. Сначала были просто двумя из десятка учениц одной наставницы. Потом, кажется, потому что Цуй Мин-дэ рано стала лучшей среди них, а Дугу Шао — самой непослушной, да к тому же они приходились друг другу двоюродными сёстрами, отец Дугу Шао обратился к деду Цуй Мин-дэ. Семьи тогда дружили, и Цуй Мин-дэ естественным образом стала опекать Дугу Шао.

Опека постепенно переросла в дружбу, дружба — в полную откровенность. Внешне кроткая девица из клана Цуй научилась гонять мяч на улицах, сходиться в потасовках с ху в переулках и с невозмутимым видом врать деду с отцом, выпрашивая разрешение погулять. А бесшабашная Дугу Шао постигла стратегии вроде «подменить лучших худшими» или «двумя персиками поссорить трёх воинов», вывела хороший почерк и научилась проявлять хитрость в самых неожиданных местах. А их чувства друг к другу становились всё... страннее.

Цуй Мин-дэ вспомнила свой единственный раз, когда напилась. Тогда она почти призналась Дугу Шао в том, что таилось в душе. Но, увидев её простодушную, чуть глуповатую улыбку, не смогла выговорить ни слова.

Цуй Мин-дэ всегда считала себя везучей. Отец её был главой семьи, и когда первой родилась девочка, он не расстроился. Но второй ребёнок снова оказался девочкой — он пал духом, да и мать охладела. Тогда дед взял её к себе, воспитал, а обнаружив её живой ум, полюбил ещё сильнее. Он сам учил её читать и писать, а в пять-шесть лет уже брал на советы. Все её предложения, какими бы наивными, абсурдными или странными они ни были, дед выслушивал внимательно, терпеливо объясняя подоплёку.

Мир устроен странно: от женщин требуют многого — ведения хозяйства, рукоделия, доброго имени, покорности... желательно всего сразу. Но при этом учат их крайне мало — никогда не объясняют, как следует жить и поступать. Кроме деда.

Дед говорил: в семье все, будь то мужчина или женщина, должны учиться и постигать принципы, чтобы не опозорить имя Цуев. И он не ограничивался словами: действительно нанимал для девочек учителей, покупал книги, велел заучивать семейные уставы, а самых способных внучек и вовсе воспитывал сам.

«В государстве нет постоянства, но у благородного мужа должно быть постоянство сердца», — часто повторял дед. Отец велел ей учиться тому, что положено женщинам, а дед учил её быть благородным мужем, учёным: если не можешь помочь миру — усовершенствуй себя; если можешь — помоги другим. Даже если ты женщина.

«Великое учение — в том, чтобы явить светлую добродетель», — этому тоже учил дед. Её имя, Мин-дэ, «Являющая добродетель», было взято из этой фразы.

Дед научил её многому, чему другие девушки никогда не научились бы. Она стала знаменитой на всю столицу Цуй Мин-дэ, любимицей клана, той, что лихо скакала верхом и гоняла мяч, а не просто второй дочерью рода — всё благодаря деду. Она была его надеждой и гордостью, а он — её примером и отрадой.

Но Цуй Мин-дэ часто чувствовала себя несчастной. Будь она мальчиком, могла бы, как хотел дед, развернуться на просторах Поднебесной и совершить великое. Увы, она была девочкой. И каждый раз, подробно и терпеливо рассказывая ей о многовековой славе клана Цуй, дед в

конце вздыхал и напоминал: даже выйдя замуж, не забывай, что ты — «Цуй».

Когда Цуй Мин-дэ окончательно поняла, что замуж её не выдадут, в душе она испытала облегчение. По крайней мере, сможет до конца дней остаться в семье, храня фамилию «Цуй» и надежды деда.

Не знаю, чего ждал от Дугу Шао её отец. Но, судя по настроению деда, наверное, того же самого.

Цуй Мин-дэ смотрела, как Дугу Шао переодевается, и видела, как на обычно невозмутимом лице той появилось девичье, робкое ожидание. Услышала притворно-небрежную просьбу:

— У тебя тут просторно. Может, я оставлю здесь свою одежду? Иногда буду заходить переодеться, вздремнуть... хорошо? Ты же во дворце, новости доходят медленно. А я, заходя, смогу тебе что-нибудь передать, сообщить — не останешься в неведении.

Цуй Мин-дэ чуть дрогнули губы в горьковатой улыбке. Она опустила голову и тихо сказала:

— Несколько дней назад твой отец через А-миня просил меня уговорить тебя выйти замуж. Я обратилась к старшему брату, он подобрал несколько кандидатов из четырёх знатных семей. Имена я передала А-миню. Думаю, к концу месяца твой отец уже решит.

Дождь давно кончился, но снаружи стало ещё душнее. Вдруг воздух вздрогнул от грома — или это лишь показалось? Лицо Дугу Шао побелело, как бумага. Она сжала рукоять меча, потом разжала пальцы, тяжело вздохнула и твёрдо, отчеканивая каждое слово, произнесла:

— Я не выйду.

Она и правда выросла. Как ни смешно, будучи дочерью военачальника, она раньше панически боялась грома. В летние грозы забивалась в объятия Цуй Мин-дэ и не успокаивалась, пока раскаты не стихали. А теперь шла под ливень, не боясь ни молний, ни грома. Эта Дугу Шао казалась чужой. Непонятной.

После долгих дождей во дворе наконец-то скопилась вода. Лужи, рытвины — всё как в том дворике, где она жила в детстве.

Попав во дворец, Вэй Хуань поначалу думала: даже самое плохое место здесь лучше, чем на воле. Но пожив здесь, поняла: в императорской семье тоже хватает убогих закоулков и грязи — ничуть не меньше, чем в простых домах.

Конечно, Двор ста внуков, где жили императорские внуки, был обустроен по стандартам цинь-вана. Хоть ведомства и строго следили за расходами, здесь часто нарушали правила, так что назвать это место «убогим» язык не поворачивался. Вэй Хуань же просто не любила дождь.

И матушка, и Цинян были похоронены в дождливые дни. Цинян была мала, её просто положили в гроб и предали земле. Матушку же похоронили по всем правилам. Вэй Хуань и Ушэнжэнь вынуждены были соблюдать траур: просидели в холодном, пустом зале, куда никто не пришёл проститься, а потом, месивя грязь, понесли её простой гроб за город. Похоронили на краю родового кладбища Вэй, в самом незаметном углу. Дождь промочил их траурные одежды насквозь, промочил и сердца.

Всё это время Ушэнжэнь только и делал, что рыдал. Рыдал так, что, казалось, разорвётся грудь, кричал, несколько раз падал без чувств. Не останови его Вэй Хуань, он, пожалуй, стал

бы образцом сыновней почтительности, умерев от горя. А Вэй Хуань не могла выдавить ни слезинки. В душе копились слова, как дождевые тучи, — и некуда было их излить.

Маленькая Вэй Хуань упрямо считала: раз матушка и Цинян умерли в солнечный день, то и похоронить их надо при свете. Хотела, чтобы они, не сумев прожить счастливо, хотя бы обрели покой в радости. Клан Цуй специально устроил похороны в ненастье, назвав его «благоприятным днём» — наверное, из зависти. Ведь такие, как они, умирают под гром и ливень, не видя ни лучика.

С годами эти дикие мысли стёрлись. Но в дождливые дни её всё равно одолевала раздражительность. Особенно когда не было рядом Тайпин — хотя это сама Вэй Хуань уговорила ту уйти из дворца выпить с Дугу Шао.

Вэй Хуань снова посмотрела на дверь. Порыв ветра ворвался внутрь, заставив колокольчики ветра беспорядочно звенеть. Она слегка нахмурилась, повернулась к служанке:

— Разве я не приказывала убрать их?

Та осторожно ответила:

— Далан любит этот звук. Если убрать — плачет. Поэтому оставили два.

Услышав, что это Шоули, Вэй Хуань смягчилась, но всё же сказала:

— Найдите ему другие погремушки. А эти деревянные уберите. Они... мне дороги. Не хочу, чтобы отсырели.

<http://bllate.org/book/16278/1467279>